

Л. К. (Григорий ВИНОКУР)

<Рец. на кн.: *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия: Набросок 1: Виктор Хлебников. Прага, 1921 >

Небольшая брошюра Р. Якобсона, молодого московского лингвиста, вряд ли будет замечена широкой публикой, но, тем не менее, она полна глубокого научного интереса и значения. Впервые в этой брошюре дается в полной мере теоретическое обоснование всех тех попыток к установлению науки о поэзии, которыми отмечена жизнь московской и петроградской филологической молодежи за последние 5–6 лет. Вот основной смысл этого движения в пользу научной поэтики, как наиболее выпуклого и точного выразителя вновь прививающихся научных воззрений.

Наша официальная история литературы не является по существу наукой, ибо не отвечает двум основным требованиям, предъявляемым всякой науке; она не имеет своего специфического предмета исследования и, в связи с этим, единого метода. История литературы, рассматривая литературное произведение, ставит предметом своего исследования одновременно: психологические (душевные переживания героев), философские (личность автора и его мировоззрение), историко-культурные (быт изображаемого общества и характер эпохи) и, наконец, стилистические (особенности языка) моменты этого произведения. Имея перед собой столь разнообразное поле исследования, история литературы вынуждена пользоваться по отношению к каждой из поставленных себе задач различными методами и точками зрения, а по существу заимствованными из других областей науки, Историк литературы является одновременно и историком, и психологом, и философом, и социологом и языковедом. Между тем, представители всех этих привходящих специальных наук решают те же вопросы самостоятельно, будучи вооружены свойственными их наукам методами в гораздо большей, несомненно, степени, чем историки литературы. Отсюда возникает вопрос: если уж действительно литературные произведения могут

служить источниками для психолога, философа, историка и т. п., то каков настоящий смысл истории литературы как отдельной науки. По-видимому, такая наука может существовать лишь в том случае, если у нее есть свой собственный предмет исследования, что вообще прежде всего характеризует всякую науку.

Молодые русские лингвисты не упраздняют истории литературы, а лишь находят для нее необходимый ей, как науке, собственный предмет исследования. Таковым является язык, которым написано данное литературное произведение; и так как языком вообще занимается лингвистика, то история литературы является лишь отделом последней науки, занимающимся языком в его эстетической функции. Язык в его эстетической функции, в его «установке на выражение» (как говорить автор брошюры), всецело в то же время определяет понятие литературного произведения как такового, ибо все, что замечает исследователь в таком произведении, помимо его художественного, поэтического языка, — всё нам уже и вне этого произведения известно. И рисуемый быт, и личность автора и т. и, нами могут исследоваться научно по другим, почти всегда при этом более достоверным источникам: историческим и личным документам.

Автор брошюры — обнаруживает богатую эрудицию и находит строгие и прекрасно подобранные аргументы для более глубокого обоснования и широкого развития изложенных выше положений. Вместе с тем он идет и дальше, и дает наглядный пример того, как следует изучать поэзию, помещая в брошюре, помимо методологических рассуждений, также и анализ произведений В. Хлебникова, одного из заметнейших русских футуристов. Выбор именно этого поэта автор обосновывает тем, что как наука о практическом языке в настоящее время ставит во главу своих построений наблюдения над современными наречиями, что дает возможность проникать языковеду в более отдаленные языковые эпохи, факты которых не только обывателями, но и филологами теперь с трудом воспринимаются как факты живого языка, так и для уяснения фактов поэтической речи нам нужно идти от настоящего, нами сразу усваиваемого, к прошлому. Вместе с тем, автор проводит и другую параллель с практическим языковедением, а именно: как последнее отказывается от всякой сравнительной оценки речи, и с равным интересом обращается, наряду с языками цивилизованных народов, к языку дикарей, так и история поэзии не должна быть «историей генералов», но с равным вниманием должна заключать в себе наблюдения как над первостепенными, так и над наименее заметными поэтами, окончательно отказавшись от решения вопроса, какие стихи хороши, какие плохи и какие лучше.

Интерпретация стихов Хлебникова в брошюре Яacobсона необыкновенно интересна и подчас прямо поражает своим остроумием и талантливостью, а больше всего удачными сопоставлениями однородных фактов, данных лишь в разных обстановках у поэтов XIX века и футуристов, а также и в фольклоре (см. в частности на с. 14 сопоставление метаморфоз в частушке, у Гоголя и у Хлебникова). Но подробное рассмотрение этой части брошюры возможно, конечно, лишь на страницах специального органа.

